

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОБИЛЬНОЙ ТЕЛЕФОНИИ
.....**Б.С. Гладарев¹**

Статья написана по материалам эмпирического исследования, проведенного автором в Петербурге в 2003–2005 гг., и представляет собой характерный для качественной методологии вторичный анализ собранных данных с выходом на обобщения более высокого уровня абстракции. В предлагаемом тексте рассматриваются социальные последствия широкого распространения мобильной телефонии (результаты первичного анализа данных [7]).

1. Социология мобильной телефонии: обзор исследований

Жизнь современного общества тесно связана с развитием и массовым распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). М. Кастельс отмечал, что «ядро социально исторической трансформации, которую мы переживаем теперь, связано с технологиями обработки информации и коммуникацией» [17, с. 51]. Согласно статистическим данным за последние 100 лет скорость передвижения на транспорте увеличилась в 10^2 раз, темпы обработки информации — в 10^6 раз, а скорость работы систем связи — в 10^7 раз [13, с. 15]. То есть наиболее динамично развивающимся технологическим направлением XX в. были системы связи. Коммуникационные технологии, оказывая большое влияние на социальную организацию, привлекали внимание многих маститых социальных исследователей от Д. Белла [34] и А. Турена [25; 90] до М. Кастельса [17; 18; 36] и П. Вирилио [4].

Спектр доступных широким массам каналов дистанционной коммуникации за последние десятилетия существенно расширился. К уже ставшим привычными телеграфу, телефону и почте добавились факс, мобильный телефон, SMS, электронная почта, ICQ и другие системы on-line-in-real-time коммуникации. Подобное расширение коммуникативных возможностей внесло изменения в социальный порядок, повлекло за собой трансформацию производс-

---

¹ Гладарёв Борис Сергеевич – научный сотрудник Центра независимых социологических исследований. Электронная почта: gladarevb@mail.ru

тва и потребления, внесло инновации в жизненный уклад подавляющего числа пользователей новых ИКТ. Как отмечал Д. Иванов, «по мере расширения сети пользователей ИКТ, целые сферы человеческой деятельности стремительно переносятся в поле дистанционной коммуникации» [16, с. 132]. Изменяется привычный порядок взаимодействия как на уровне институтов, так и на уровне индивидов. Общей стала идея о том, что «поскольку коммуникация является фундаментальным основанием человеческой деятельности, модификация процесса коммуникации посредством взаимодействия социальной структуры, социальной практики и нового ассортимента технологий связи составляет действительно глубокое социальное преобразование» [36, с. 238].

Анализ социологической литературы о мобильной телефонии показывает, что в большинстве стран Европы, в обеих Америках и Японии уже более 10 лет активно формируется новый объект социальных исследований — «общество мобильной связи». С 2002 г. ежегодно появляется более сотни публикаций, посвященных социальному измерению мобильной телефонии. Рассмотрим основные сюжеты, представленные в исследованиях этого объекта.

Первые эмпирические исследования мобильной телефонии в западной социологии появились в конце 1990-х гг. Среди них выделим работы швейцарского исследователя Г. Гезера [50], норвежского социолога Р. Линга [66–71], группы английских антропологов во главе с Дж. Крэбтри [39], американской исследовательницы С. Плант [79]. Кроме того, заслуживают упоминания книга Дж. Эйгара «Постоянная связь: глобальная история мобильного телефона» [32], фундаментальная работа группы исследователей во главе с М. Кастельсом «Общество мобильной коммуникации: кросскультурный анализ видимых признаков социального использования технологии беспроводной коммуникации» [36], а также имеющие большую научную значимость сборники статей «Мир без проводов» [94], «Вечный контакт» [78] и «Культура большого пальца» [89]. Указанные статьи и книги посвящены социальным, культурным и политическим следствиям распространения мобильной телефонии в различных странах, социальных группах и средах и организуют новое проблемное поле социальных исследований. В нем можно выделить несколько актуальных направлений.

1. Исследования характера и динамики распространения мобильной связи в разных обществах встречаются весьма часто, поскольку их активно используют (а иногда и иницируют) производители мобильных телефонов и операторы сотовой связи. В фокус внимания попадают национальные особенности рынков мобильной связи, социально-демографические характеристики ее пользователей, перечни наиболее популярных услуг. Работа финского социолога Ю. Рооса «Социология сотового телефона: нордическая модель» [85] является примером данного направления исследований.

2. Сравнительный анализ аудиторий различных коммуникационных технологий [54; 61; 73; 75; 83] — пользователей Интернета, стационарного телефо-

ном, мобильного телефона и др. позволяет выявить их социальную специфику. Авторы подобных исследований сходятся в том, что мобильный телефон в наибольшей степени соответствует мировым тенденциям развития средств дистанционного общения (см., например, [40]). Дальнейшее техническое развитие мобильной телефонии делает сравнительный анализ ИКТ особенно популярной темой. Встраивание в телефон фотоаппарата, появление службы мультимедийных сообщений (MMS), развитие коммуникационной видеотехники стимулирует рост количества публикаций, посвященных сравнительному анализу ИКТ. При этом сравнивают не только технологии, но и социокультурные особенности их использования (см., например, [32; 54; 61; 78]).

3. Широкое поле представляют исследования молодежного использования мобильной телефонии. Статистические данные, собранные более чем в 40 странах, подтверждают, что молодежь является той массовой группой, которая повсеместно первой включается в сети мобильной телефонии, именно в молодежной среде вызревает особый стиль коммуникации, немислимый без использования сотового телефона [36, с. 153–170]. Однако выявлена и региональная специфика; например, в развивающихся странах Юго-Восточной Азии самая обширная группа пользователей мобильной телефонии — молодые профессионалы 20–30 лет, а в экономически развитых странах Европы — это прежде всего тинэйджеры и студенты.

В рамках данного направления проблематизируются три основные темы. Во-первых, обнаруживается глубокая связь между технологией мобильной телефонии и проявлениями молодежной культуры; исследования норвежских подростков [67; 68], английских [53] и немецких тинэйджеров [42] показали, что сотовая телефония повышает мобильность молодежной культуры во всех ее аспектах. Вырабатывается гибкий стиль коммуникативного взаимодействия, выражающийся в постоянной оперативной координации действий, когда все решения принимаются на ходу и могут быть изменены в любой момент [68, р. 15].

Во-вторых, мобильный телефон рассматривается как инструмент родительского контроля. Социологи проблематизируют роль сотовой связи в семейных отношениях, акцентируя внимание на «дистанционном родителстве» [68, р. 17] и способах, которыми пользуются тинэйджеры, чтобы уходить от родительского контроля [33].

В-третьих, фокус внимания концентрируется на процессе преобразования языка молодежной культуры под влиянием SMS-коммуникации, которая очень популярна среди пользователей от 15 до 25 лет [36, р. 65]. Согласно исследованиям, в Германии SMS используется подростками почти так же часто, как и голосовая связь [57]. Причем молодежь вырабатывает специфическую знаковую систему для своей перманентной переписки. Как отмечают Р. Линг и Б. Иттри, «пользователи SMS должны особым образом формулировать свои сообщения, чтобы каждое, не превышающее 160–200 знаков, послание было ярко и оче-

видно, как хокку» [70, с. 160]. Некоторые исследователи [46] даже говорят о развитии в молодежной среде нового «письменного устного» языка («writing orality»). Фактически способы творческого использования языка стали формами персонального и группового самовыражения. Но в большинстве случаев, как показывает работа исследовательской группы во главе с Кастельсом, это простая адаптация языка к формату и ограничениям технологии ради уменьшения стоимости передачи информации (поскольку молодые пользователи часто ограничены в средствах). При этом социологи и лингвисты наблюдают процесс проникновения словаря SMS-коммуникации («texting'a») в стандартное литературное письмо английского, французского или испанского языков. Преподаватели начинают жаловаться на студентов, использующих SMS-словарь в своих эссе [36, р. 246].

Таким образом, молодежь во многих странах рассматривается как «законодатель телефонной моды» [72], как особое поколение, выросшее в новой технологической культуре «большого пальца» [89].

4. Отдельное направление составляют исследования политического потенциала мобильной телефонии. Роль новых ИКТ в процессах социополитической мобилизации рассматривается в работе Г. Рейнгольда «Умная толпа: следующая социальная революция» [82] на примере правительственного кризиса на Филиппинах, когда 20 января 2001 г. более миллиона жителей Манилы были мобилизованы и скоординированы волнами SMS в огромные мирные демонстрации, свергнувшие режим президента Джозефа Эстрада. «Он стал первым в истории главой государства, который потерял власть благодаря умной толпе (*smart mob*)» [82, р. 157]². В книге высказывается предположение о новых возможностях для быстрого возникновения и самоорганизации ничем не связанных между собой, не знакомых друг с другом людей в совершенно новые сообщества³. «Технология сделала общество невероятно мобильным, – пишет Г. Рейнгольд. – Мгновенная толпа может возникнуть и исчезнуть где и когда угодно – для этого нужны примитивные технические средства» [82, р. 5]. При этом средства мобильной связи могут использоваться как сторонниками демократии (пример Филиппин), так и всевозможными радикалами от ультра-зеленых до религиозных фундаменталистов (например, в Испании и Ираке) [82, р. 257]. Среди других исследователей политического потенциала мобильной телефонии упомянем Ф. Парагаса, который фокусирует внимание на связях между демократией и технологией, рассматривая, как предшествующие ре-

² Интересно, что свергнутый посредством мобильной телефонии Дж. Эстрада свои первые интервью тележурналистам давал из тюрьмы тоже с помощью мобильного телефона [38, р. А3].

³ Еще один пример имел место 10–11 декабря 2005 г. в пригородах Сиднея (Австралия), где посредством мобильной связи была осуществлена организация массовых беспорядков. Драка, произошедшая на пляже между белыми спасателями и двумя выходцами из Ливана, всколыхнула расистские настроения местного сообщества. По мобильным телефонам были разосланы призывы отомстить арабам, и, несмотря на противодействие полиции, на пляже собралась 5-тысячная толпа молодежи, которая начала этнические погромы [14].

формы и либерализация рынков телесвязи создали условия для возможности возникновения SMS-революций: «Читая SMS, мятежники кооперируются» [77, р. 260].

Оптимисты подчеркивают, что ИКТ делает перераспределение власти более демократическим, поскольку вовлекает в него широкие массы. Однако озвучивается и более критичный подход к «демократическому потенциалу» мобильной связи. Например, В. Рафаэль, полемизируя с Г. Рейнгольдом, выражает сомнение в «народности» SMS-революции на Филиппинах, указывая, что доступ к технологии мобильной связи там имеют представители среднего класса, а не широкие массы маргинализованного населения, которые из-за отсутствия мобильных телефонов были как бы лишены гражданских прав [81].

5. В последнее десятилетие оформилось исследовательское направление, которое можно назвать «этнографией мобильной телефонии». В странах, где мобильная телефония получила широкое распространение, антропологи и социологи проводят все больше исследований локальной специфики социокультурных практик пользования сотовой связью в Великобритании [39], США [84], Израиле [65; 86], Финляндии [80; 85], Японии [33; 88]. В то же время в технологически отсталых странах с развивающейся экономикой исследования в русле «этнографии мобильной телефонии» достаточно редки (и российская социология не является исключением). Опубликованы результаты лишь небольших исследований, обычно выполненных в русле качественной социологии, в которых рассматривается культурное значение мобильного телефона: в нем видят символ модернизации и развития капитализма в Болгарии [92] и России [93], отличие статуса и достатка в Турции [76], Бангладеш [37] и Китае [64], признак индивидуализации в Руанде [41] и городской «крутизны» в Таиланде [37; 91]. Дж. Доннер в аналитическом обзоре исследований мобильной телефонии в странах третьего мира указывает, что, хотя число исследований, фокусирующихся на социологическом анализе сотовой связи в развивающемся мире, устойчиво растет, однако они относительно изолированы друг от друга и отделены региональными и дисциплинарными границами [40, р. 1].

6. Помимо перечисленных направлений, в социальных науках западных стран наблюдается подъем интереса к проблематике, затрагиваемой в данной статье. Все больше социологов обращаются к теме социального значения мобильной телефонии в организации повседневной жизни. В рамках этого направления дискуссии рассматривается влияние мобильного телефона на изменение представлений пользователей о пространстве и появление новых практик взаимодействия, вызванных возможностью постоянно поддерживать коммуникацию на расстоянии. Один из актуальных вопросов касается изменения границ приватного и публичного пространства, смешения рабочей и домашней сферы. Например, Р. Харпер подчеркивает, что мобильные телефоны стимулируют приватное поведение в публичных местах и приводят к постепенному сокращению количества ограничений в том, где и когда люди

могут использовать мобильные телефоны. Это глобальное явление, имеющее в разных странах свои особенности [55, р. 6]. Данная специфика мобильных устройств привлекла внимание социологов и антропологов в Финляндии [62], Франции [52], Италии [44; 45], Южной Корее [60] и других странах. Их работы, как отмечает Дж. Доннер, «проблематизируют мобильный телефон как нового посредника и “взломщика” старых комплексов социального взаимодействия, на новый манер смешивающего глобальное и локальное, индивидуальное и коллективное» [40, р. 3].

Большой интерес вызывает изучение изменений «временного режима» повседневности, вызванного распространением мобильной телефонии. Исследователи обнаруживают «приход новой, “краткосрочной” ментальности на смену “долгосрочной”» [1, с. LV]. «Позволяют ли ИКТ сделать больше или увеличивают чувство нехватки времени, поскольку мы стараемся выполнить большее число вещей? Откуда берется время, которое мы сейчас проводим в сети или в разговорах по мобильному телефону? Теряем ли мы что-нибудь, заполняя наше время использованием ИКТ, если не остается времени на размышление?» – задается вопросами Л. Хэддон [27, с. 9]. Поиску ответов на эти и другие, связанные с ними вопросы посвящены тексты Т. Эриксона [31], Ф. Джорегибери [58], М. Гархаммера [48] и В. Фриссена [47].

В российской социологии исследования социальной роли ИКТ еще только начинаются. Важно отметить, что пока они фокусируются лишь на одной, пусть и чрезвычайно важной ИКТ — Интернете (см.: [2; 3; 15; 16; 22; 29] и др.), хотя круг пользователей мобильной телефонии значительно шире⁴. Пока в отечественной социологии, помимо Валерия Голофаства⁵ [9; 10], к проблематике социального значения мобильной телефонии обращались всего три исследователя [21; 93].

Не считая реализованного автором проекта, единственное эмпирическое исследование мобильной телефонии в России, отраженное в публикациях, было проведено в 2001 г. О. Вершинской [93]. Базу этого исследования составили 40 структурированных интервью с молодыми людьми в Москве и Петербурге, а также доступная статистика. При этом автор указывает на дефицит информа-

⁴ По данным РБК, число пользователей сотовой связи в России уже в 2005 г. должно было вырасти на 38 % и достигнуть 100 млн чел., о чем сообщил министр информационных технологий и связи Л. Рейман на Всероссийском совещании по итогам работы отрасли связи 6 апреля 2005 г. Он отметил, что на конец 2004 г. количество абонентов сотовой связи выросло более чем на 50% и составило около 70 млн чел. На апрель 2005 г. сотовой связью в РФ пользовались более 80 млн чел., что в 3–4 раза больше пользователей Интернета [28].

⁵ В эссе В. Голофаства «Электронная среда, или Новые пещерные люди» лейтмотивом проводится идея о возникновении новой информационной среды, которая принуждает изобретать новые формы общения, проникает во все институты, взламывает формы приватности, деформирует привычные культурные нормы и поведенческие установки [10, с. 15]. При всех своих аналитических находках это эссе напоминает скорее «рефлексию на тему», поскольку не опирается на какие-либо эмпирические данные.

ции о продолжительности и частоте коммуникаций посредством мобильного телефона, а также о социально-демографических характеристиках российских пользователей [93, р. 142]. Исследовательский интерес О. Вершинской был направлен на субъективное восприятие пользователями возможностей новой коммуникационной технологии. Результаты оказались вполне ожидаемыми. Респонденты говорили, что мобильный телефон позволяет им «быть всегда на связи, не пропускать важные сообщения, решать возникающие проблемы при отсутствии доступа к стационарному телефону»; негативные аспекты пользования мобильной связью выражались в «дороговизне, раздражении от звонков в публичных местах, малой зоне покрытия сотовой связи, необходимости частой зарядки телефона» [93, р. 144].

В своей статье О. Вершинская отмечает, что мобильные телефоны обычно используются молодыми людьми там, где недоступны стационарные линии телефонной связи: на улице, в транспорте, в публичных местах — в кинотеатрах, магазинах, кафе. Разговоры посредством мобильного телефона очень короткие. Автор выделяет четыре типа пользования мобильным телефоном, которые практикуют молодые юноши и девушки: 1) всегда включенный телефон; 2) телефон выключается только на время сна; 3) телефон выключается дома или на работе, где доступен стационарный аппарат; 4) телефон обычно выключен и активизируется только, когда его владелец хочет сделать звонок [93, р. 145–146]. Говоря о необходимости дальнейшего изучения стилистики пользования мобильной телефонией, О. Вершинская выделяет три группы пользователей: 1) «продвинутые пользователи», которые активно применяют все опции и возможности мобильных телефонов, быстро встраивая их в свою повседневную практику; 2) «уверенные пользователи» (*confident users*), которые успешно используют сервисы уже имеющиеся в их аппаратах, не стремясь освоить всевозможные новинки, ежедневно появляющиеся на рынке; 3) «ограниченные пользователи» (*foolish users*), которые используют только опцию голосовой связи и не интересуются другими возможностями [93, р. 147].

Отдельная часть статьи посвящена службе коротких сообщений и особому языку SMS-коммуникации: «Наше исследование показывает, что только 40 % пользователей пользуются SMS и только одна треть из них делает это регулярно. Причиной этого является то, что только недавно появились русифицированные телефоны, где SMS можно писать кириллицей» [93, р. 147]. Вследствие этих технических ограничений, существовавших в 2001 г., сложился специфический русско-английский язык SMS, где транслитерация сосуществовала с английским сленгом, который к тому же подвергался различным схематическим упрощениям, чтобы вмещаться в ограниченное поле SMS-сообщения [93, р. 148–149].

Особых аналитических заключений в статье нет, автор отмечает, что «бум российской мобильной телефонии, начавшийся в 1999 г., оказывает значительное воздействие на характер учебы, работы и повседневной активности

пользователей мобильных телефонов» [93, р. 139], и говорит о необходимости дальнейших исследований.

Кроме упомянутых статей, посвященных ИКТ, в Интернете размещена статья М. Кастельса и Э. Киселевой, основанная на докладе, прочитанном в Стэнфордском университете 5 ноября 1998 г. Это в значительной степени теоретический текст, опирающийся преимущественно на статистические данные. Авторы работы «Россия и сетевое сообщество» утверждают, что «доступ и широкое распространение информационных технологий не являются сами по себе достаточным условием для развития сетевого общества, однако являются условием необходимым» [18, с. 26], и затем вкратце рассматривают историю российских ИКТ. Анализируя их подход, можно согласиться, что в макроперспективе Советский Союз проиграл технологическую гонку США во многом благодаря «идеологическому ограничению развития информационно-коммуникационных технологий», что в свою очередь привело к распаду СССР. К схожему выводу приходит и Э. Гидденс: «Советская коммунистическая система с ее упором на государственные предприятия и тяжелую промышленность к началу 1970-х гг. становилась все более неконкурентоспособной на фоне развивающейся в капиталистических странах электронной экономики» [6, с. 31]. М. Кастельс и Э. Киселева пишут, что «Россия унаследовала от Советского Союза фрагментарную, раздробленную телекоммуникационную структуру» [18, с. 27]. Ссылаясь на Р. Кэмбелла [35] и Д. Дусета [43], они приводят интересные цифры. Например, в 1991 г. лишь 55 % телефонов были связаны с общей телефонной сетью страны, остальные принадлежали различным отраслевым системам, зависящим от министерств и промышленных предприятий. Эта раздробленность продолжалась и даже усилилась в посткоммунистический период, когда многие банки, финансовые институты, торговые группы и бизнес-конгломераты стали создавать собственные спутниковые линии связи. Отсутствие инвестиций и запаздывающее технологическое обновление инфраструктуры коммуникационных технологий также вело к возрастающему разрыву между общественными и частными сетями. В 1996 г., свыше 9 млн чел. ожидали своей очереди на установку телефона. Только 48,7% городских и 19,7% сельских домохозяйств в 1996 г. были оснащены телефонами [18, с. 27].

При всей теоретической важности, работа М. Кастельса и Э. Киселевой все же во многом является типичным текстом в духе сравнительной макро-социологии. Эмпирических исследований авторы в России не проводили, и основной упор сделан на интерпретации статистики и анализе публикаций из научно-популярных журналов, таких, как «Экономика и жизнь – Сибирь» [18, с. 50]. Сведения, касающиеся мобильной телефонии достаточно противоречивы. Например, авторы утверждают, что в 1997 г. мобильный телефон в России стоил 2 500 дол. [18, с. 28], тогда как материалы нашего исследования говорят о том, что даже очень хорошая модель стоила в пределах 700–900 дол., а с рук телефон можно легко было приобрести за 300 дол. Эти и другие мелкие неточ-

ности не умаляют значения данной статьи, однако ее теоретические достоинства требуют дополнительных эмпирических уточнений.

Широкое усвоение новых способов дистанционной коммуникации требует своевременного социологического осмысления. Как уже говорилось, в российской научной литературе пока зияет лакуна в анализе социальных последствий массовой мобильной телефонизации, попытка отчасти заполнить эту лакуну, представлена во второй части статьи.

2. Опыт анализа социальных следствий «мобильной телефонизации»

По данным различных аналитических агентств, уже в 2004 г. в России самой массовой информационно-коммуникационной технологией мобильный телефон (рост количества пользователей Интернета примерно в четыре раза ниже)⁶. К концу 2004 г. Россия заняла первое место в мире по динамике роста рынка услуг мобильной связи⁷. Только в Петербурге, где, по данным Госкомстата, в 2004 г. проживало 4,67 млн чел., насчитывалось 4,24 млн пользователей мобильных телефонов. Данные января 2005 г. говорят, что на тот момент у каждого девяти из десяти жителей города была SIM-карта мобильного телефона, а у каждого сотого петербуржца их было две. К концу 2005 г. в средних городах России сотовой связью пользовались не менее 65% населения, а в сельской местности – около 42% [23].

Поскольку технология мобильной связи стала частью повседневной жизни значительного числа людей, нам кажется важным описать и проанализировать социальные последствия распространения этой технологии на микроуровне быденной жизни. Согласимся с В. Голофастом, который предполагает, что «технология сегодня становится универсальным посредником между человеком и миром, вооружает его новыми способностями и возможностями» [10, с. 14]. В данной статье мы сосредоточимся на интерпретации изменений повседневных практик молодых петербуржцев, которые произошли в результате включения в сети мобильной телефонии.

Исследование проводилось качественными методами с применением методологической триангуляции [8]. Данные по каждому из 14 исследованных случаев собирались посредством совокупного применения методов глубинного интервью, спровоцированного дневника «повседневной коммуникации»

---

⁶ Телефон для среднестатистического россиянина пока доступнее компьютера. По оценкам информационно-аналитического агентства «J'Son & Partners», в 2004 г. недельная аудитория российского сегмента сети составляла 8,1 млн чел., а к концу 2005 г. прогнозировалось ее увеличение до 10,5 млн (см.: [19]).

⁷ По данным компании «iKs-Consulting», на конец 2004 г. российские операторы мобильной связи обслуживали 74,5 млн абонентов на территории РФ и СНГ. Таким образом, Россия оказалась второй в Европе и пятой в мире страной по количеству «мобилизованных» граждан. По итогам первого квартала 2005 г. Россия по числу абонентов оказалась на одном уровне с Японией, впереди были только Китай и США [19].

и анализа документов повседневной жизни. Исследовательская процедура заключалась в том, что сначала информант давал глубинное слабоструктурированное интервью, затем неделю заполнял «дневник коммуникации», где отмечал все свои повседневные контакты в течение недели. Форма дневника представляла собой таблицы, где информант должен был в течение недели фиксировать все значимые контакты, отмечать время, продолжительность, место и содержание контакта.

После этого проводилось второе лейтмотивное интервью по материалам дневника и данным записной книжки мобильного телефона. В заключении информант размещал членов своей персональной сети в схеме «кругов близости», где первому кругу соответствовали наиболее эмоционально близкие отношения, а седьмому кругу — наиболее отдаленных альтеров.

Критерии отбора информантов были продуманы заранее⁸. В исследовании было проанализировано 7 женских и 7 мужских случаев. Информанты (от 20 до 30 лет) принадлежали к разным экономическим, образовательным и профессиональным группам, имели различный семейный статус и опыт пользования ИКТ. Среди них были коренные жители Петербурга и приезжие. Массив интервью и дневников собирался на протяжении 2003–2004 гг.⁹

Представленные далее результаты не могут претендовать на репрезентативность, однако позволяют сформулировать некоторые предположения о социальных последствиях внедрения новой технологии связи в жизнь наших сограждан. Описанные в статье тенденции в дальнейшем можно будет проверить количественными методами, что особенно актуально, если учитывать тотальное распространение мобильной связи в крупных городах¹⁰.

А. Психологическая зависимость от мобильной телефонии

Эмпирические материалы, собранные в рамках исследования, показывают, что люди, включившиеся в практики пользования мобильными телефонами, рассматривают этот аппарат как значимую часть своей жизни. Все информанты, участвовавшие в исследовании, не видят для себя возможности отказаться от мобильной связи. Она стала неотъемлемой частью их повседневности. Согласно материалам интервью отсутствие мобильного телефона воспринимается информантами болезненно:

---

⁸ Информанты должны были максимально отличаться социальным опытом и статусной позицией, чтобы продемонстрировать наиболее широкий спектр повседневных практик, связанных с использованием мобильного телефона.

⁹ Этот период кажется особенно важным для изучения социальной роли мобильной телефонии, поскольку именно на 2003–2004 гг. приходится общероссийский бум роста ее новых пользователей.

¹⁰ К концу 2006 г. в Петербурге охват технологией мобильной связи достиг 100%. В Москве полный охват был достигнут еще в начале 2005 г. [24].

«Я вообще сейчас не могу себя представить без сотового телефона. И дело даже не в том, что меня кто-то не может найти, а в том, что когда я без него нахожусь, я чувствую себя потерянным» (муж., 28 лет, юрист).

Можно предположить, что такого рода зависимость вызвана особой ролью, которую получил мобильный телефон в молодежных сетях. Он стал почти обязательным атрибутом для самых разнообразных групп петербургской молодежи. Он символизирует собой «современность», «свободу», «мобильность»:

«Я сторонник технического прогресса. А еще я просто поняла, что это просто очень удобно. <...> Ну, в таком смысле, что если я договариваюсь со звониться с человеком, я не должна сидеть и ждать звонка. Я могу идти куда хочу. Я могу сказать просто: “Позвони мне!” И я уверена, что он мне дозвонится, где бы я ни была. Ну, практически везде. Потому что в метро не везде есть связь. Ну, я там еду не больше минут двадцати, и, когда я выйду, он мне дозвонится. И не надо быть привязанным к месту. Это рождает определенную свободу» (жен., 29 лет, переводчик).

Информанты говорят, что свои мобильные телефоны они всегда носят с собой: кто-то в сумке, кто-то в кармане, а некоторые пытаются демонстрировать свои телефоны публике. Тогда их носят на специальных шнурках на груди или же в чехлах на поясе. Мобильный телефон – это не только средство связи, но и определенный маркер, даже часть идентичности владельца:

«Я очень серьезно отношусь к модели и дизайну телефона. Он всегда на виду, поэтому важно, чтобы аппарат выглядел достойно» (муж., 20 лет, системный администратор).

Телефон в молодежной среде как бы представляет своего владельца другим людям¹¹.

Последние несколько лет рынок аксессуаров для мобильных телефонов динамично развивается. Люди каждый год тратят все больше денег на приобретение шнурков, чехлов, съемных панелей, рингтонов и логотипов. Молодежь активно интересуется этим рынком, чтобы «индивидуализировать» свой телефон. Пример из интервью:

«Ну, хочется, конечно, чтобы у тебя какой-то особенный звук или картинка были... Это развлекает. Я, честно говоря, раза три в месяц мелодию меняю» (жен., 20 лет, студентка).

Молодые люди эмоционально привязаны к своему мобильному телефону. Ему уделяется много внимания и средств. Как отмечают корреспонденты «Независимой газеты», «на данный момент львиную долю мобильного контента составляют мелодии звонков и логотипы, но специалисты считают, что этот сегмент рынка со временем уступит лидирующие позиции мобильным играм.

¹¹ Это символическое измерение мобильного телефона на отечественном материале подробно рассматривается в работе [21].

Среди тех, кому еще нет 16, мобильные игры загружали себе на телефон более 40 %, а среди молодых людей чуть постарше (16–19 лет) этим занимается почти каждый третий» [12]. Отсутствие у человека мобильного телефона воспринимается нашими информантами как нонсенс, как нарушение сложившейся коммуникационной нормы.

Поскольку пользователи попадают в психологическую зависимость от возможности быть постоянно «на связи», мобильная телефония постепенно перестает ограничиваться пространством частных разговоров, она широко и быстро колонизирует публичные пространства, косвенным подтверждением чему служит появление во многих учреждениях специальных плакатов, которые запрещают пользование мобильным телефоном. Автор наблюдал их в музеях и церквях, в учебных и медицинских заведениях, в госучреждениях и театрах.

Б. Размывание границ публичного и частного пространства пользователей мобильной телефонии

Изначально мобильный телефон — это устройство, которое предназначено прежде всего для поездок [69]. Сегодня нет необходимости двигаться от стационарного телефона к стационарному телефону, чтобы посылать и получать сообщения. Мобильный телефон учитывает нюансы координации перемещения таким образом, что встречи могут быть устроены, поручения выполнены, а люди постоянно доступны. При этом постоянная доступность не предполагает специфических отличий в использовании мобильного телефона в публичных или частных пространствах¹².

Появление и массовое распространение мобильных средств коммуникации трансформирует «архитектурно-пространственное доминирование»¹³ общественного порядка. Материалы исследования демонстрируют, что пользование мобильным телефоном часто становится антидисциплинарной тактикой в условиях сдачи экзамена (когда правильные ответы передаются с помощью SMS-коммуникации), в ситуациях прохождения бюрократических барьеров (для форсирования очередей) и даже при арестах для мобилизации поддержки со стороны социальной сети задержанного.

Несмотря на попытки запрета или ограничения пользования мобильными телефонами, которые формулируются различными табличками и плакатами в организациях, настаивающих на полной вовлеченности «здесь и сейчас» или

¹² «Когда пешеход, человек за обедом или пассажир поезда поглощены разговорами по мобильному телефону, они прекращают быть полными участниками непосредственного контекста. Это — фатальное воздействие такого отвлечения внимания, которое теперь заставляет множество государств объявить вне закона использование мобильных телефонов во время вождения автомобиля. <...> Израильский водитель был недавно арестован, потому что он рулил коленями, поскольку обе руки у него были заняты мобильными телефонами» [49, р. 239].

¹³ Термин, используемый Фуко, например, в [26].

не предполагающих постороннего шумового вмешательства (в учебных заведениях, библиотеках, театрах, церквях), молодые люди и девушки смело пользуются своими аппаратами в публичных пространствах:

«Вопрос: Ты где-нибудь отключаешь свой телефон?»

Ответ: Нет. Он у меня всегда включен. Это не проблема. Можно, если что, вежливо выйти и поговорить. А чего? У нас и преподавателям на лекции звонят. Они тоже выходят» (21 год, студентка).

Молодые люди не стесняются вести приватные разговоры в публичных местах¹⁴. Это объясняют тем, что под воздействием технологии сотовой связи представления о регулятивном соотношении приватного и публичного видоизменяются. В частности, К. Герген отмечал, что вторжение приватных разговоров в публичное пространство разрушает его дисциплинарное единство: «Когда мы внимаем голосу издали, этические отношения и моральное поведение отрывается от локуса» [49, р. 232]. Ему вторит Э. Гидденс: «Отношения с теми, кто физически отсутствует, строятся на иных социальных механизмах, отличных от тех, что работают в ситуации соприсутствия» [5, с. 84]. «Отсутствующие другие», которые посредством мобильного телефона могут в любой момент вторгнуться в пространство и время пользователя, создают предпосылки для переопределения приватного и публичного, близкого и далекого. «Несмотря на то что “совершенные обстоятельства соприсутствия” существуют исключительно в ситуации непосредственного контакта между физически присутствующими людьми, в наши дни, благодаря электронным коммуникациям и особенно телефону, стали возможны и опосредованные контакты, допускающие тесную связь и близость, характерные для условий соприсутствия» [5, с. 121].

Мобильный телефон создает условия для новых сложных форм социального взаимодействия как с *присутствующими*, так и с *отсутствующими* другими: «Сценическое управление может стать весьма сложным. Как в живописи кубистов, говорящий по мобильному телефону видится из двух перспектив» [66, р. 12]. Проиллюстрируем этот тезис словами информанта:

«С ним (другом информанта. — Б.Г.) стало невозможно общаться. Мы в пятницу пили в одном гадюшнике на Удельной, так за час ему позвонили, наверное, раз двадцать. То один телефон к уху прижмет, то другой — стакан скоро нечем держать будет...» (муж., 28 лет, юрист).

Мобильная телефония рассматривается информантом как инструмент, разрушающий вовлеченность его собеседника в ситуацию «здесь и сейчас». 20 звонков в течение часа вырвали его собеседника из привычного застольного

¹⁴ О. Вершинская, исследуя российских студентов – пользователей мобильной телефонии, отмечала, что «изменение ценности публичного и приватного в связи с распространением технологии мобильной связи широко дискутируется в западных странах, но пока не актуализируется в российском контексте» [93, р. 146].

взаимодействия, нарушая тем самым неписанные нормы вовлеченности: «*стало невозможно общаться*».

Развитие электронных коммуникационных и информационных систем позволяет сократить влияние пространственной близости на выполнение функций повседневной жизни: на работу, общение с друзьями, совершение покупок, развлечения, заботу о здоровье, образование, надзор за детьми и т.п. [17, с. 370]. Например, 20-летний системный администратор, говорит в интервью:

«У меня сейчас нет уже четкого представления, как было у моего отца, что дома — это только отдых. Нет. Я спокойно работаю дома. Даже с удовольствием. Поскольку у меня работа такая... можно сказать, творческая, в офисе меня тоже никто особенно не контролирует. Могу в Интернете копаться, могу по телефону болтать, сколько мне нужно».

Подобная ситуация стирает различия между домом и рабочим местом, между частным и публичным пространством. Схожие тенденции отмечаются и в западных обществах: «Распространение новых ИКТ, действительно, создало некоторые проблемы, потому что граница между частной жизнью и трудовой деятельностью была сломана» [59, р. 8]. Частная жизнь может бесконтрольно вторгаться в рабочую среду с помощью мобильного телефона и, наоборот, звонок из офиса может застать сотрудника в любое время и в любой обстановке. Анализ дневников повседневной коммуникации показывает, что у пользователей мобильной телефонии частные и публичные миры постепенно перемешиваются.

Таким образом, можно говорить о разрушении границ между частным и публичным, а отсутствие границ создает определенное напряжение между этими двумя сферами жизни [87, р. 118].

В. Прерывистость временного режима пользователей мобильной телефонии

Помимо пространства еще одной фундаментальной характеристикой повседневного взаимодействия является время. «Большинство аспектов социального взаимодействия укоренено во времени, — пишет Э. Гидденс, — смысл этих аспектов становится очевидным только тогда, когда мы принимаем во внимание их рутинный, повторяющийся характер» [6, с. 214]. «Время — недостающая переменная в современном социологическом анализе» [56, р. 1].

Наше общество сильно структурировано конструктом линейного поступательного времени. Многие современные социологи приходят к выводу, что постиндустриальные общества характеризуются тенденцией к сжиманию и уплотнению временного режима. Например, З. Бауман уточняет, что сейчас становится девизом любой жизненной стратегии: «Мы живем в обществе кратковременных перспектив» [1, с. 197].

Как показывают данные нашего исследования, мобильная телефония сыграла существенную роль в преодолении «временного фронта»¹⁵. Звонки мобильных телефонов вторгаются не только в любое пространство, но и почти в любое время. Никто из наших информантов не имеет привычки отключать мобильный телефон на ночь. Это приводит к таким ситуациям, как в случае 24-летней девушки, живущей вдали от родителей:

«Моя мама, не задумываясь, звонит мне из Штатов. Я сплю — она звонит. Иногда я даже подозреваю, не специально ли она это делает? Такая дистанционная проверка... Поэтому в дневнике есть разговоры поздно ночью» (жен., 24 года, помощник редактора).

С появлением и массовым распространением мобильной связи изменилось понимание времени — разрушились представления о его линейности. Тонкий наблюдатель повседневных взаимодействий И. Гофман писал: «Если несколько человек разговаривают, и вдруг один из них прерывает беседу и отвечает на телефонный звонок, то другие не могут быстро продемонстрировать свое невнимание к подобному разрыву коммуникации. И продолжающийся между ними разговор становится на некоторое время прерывистым и неуверенным» [51, р. 156]. Анализ практик пользования мобильным телефоном обнаруживает, что звонок на мобильный может в любой момент прервать повседневную коммуникативную практику, вырвать пользователя из непосредственного общения и даже «выключить» его из окружающего социального контекста. Во время разговора по мобильному телефону человек впадает в пространство «отсутствующего присутствия». Время его разговора по мобильному телефону течет в ином режиме, чем окружающее его время. Если признать, что темпоральные характеристики повседневной событийности определяются скоростью течения событий, т.е. частотой смены одного события другим [20, с. 42], то люди, включаясь в сети мобильной телефонии, увеличивают себе частоту смены одного события другим и теряют способность к долгосрочному планированию.

Анализ дневниковых записей показывает, что постоянное перепланирование становится привычной формой повседневного взаимодействия, которое все больше превращается из взаимодействия в координацию, т.е. в процесс перманентного сопоставления своего повседневного порядка с порядками других членов социальной сети¹⁶. Мобильная телефония переводит социальные

¹⁵ Термин «временной фронт» предложила М. Мэлбин, которая пишет: «Последний великий фронт человеческой иммиграции проходил во времени. Он заключался в распространении бодрствования человека на все двадцать четыре часа суток. Появились различные формы сменной работы на предприятиях, возникло круглосуточное патрулирование, телефоны стали использоваться в любое время» [74, р. 100].

¹⁶ К схожим результатам приходят в своем исследовании норвежские социологи Р. Линг и Б. Иттри: «С использованием мобильных систем связи отпала необходимость договариваться о встрече в определенное время и определенном месте. Встречи теперь могут регулироваться

системы из состояния жесткой запланированности в гибкий процесс непрекращающейся динамической координации и пересмотра решений. Как показывают собранные нами эмпирические данные, больше половины всех разговоров по мобильному телефону направлены на координирование совместных действий. Получается, что мобильный телефон служит для соотнесения себя во времени и пространстве с другими членами социальной сети. Это согласуется с тезисом М. Кастельса о том, что новый «режим времени» связан с развитием коммуникационных технологий» [17, с. 400]. Нужно только добавить, что распространение технологии мобильной телефонии сделало режим времени прерывистым, а само время стало восприниматься гибким и нелинейным:

«Как-то, знаешь... больше успеваешь сделать, когда телефон всегда в руке. Но жизнь при этом такая пестрая стала. Постоянно то одно, то другое...» (муж., 29 лет, компьютерный дизайнер).

Это именно то, о чем писал М. Кастельс: «В современном обществе линейное, необратимое, предсказуемое время дробится на куски» [17, с. 402].

Таким образом, у пользователей мобильной телефонии выстраивается гибкий режим социального взаимодействия, характеризующийся прерывистостью и краткосрочностью.

Г. «Императив доступности» и атомизирующие свойства мобильной связи

В ходе исследования был обнаружен интересный феномен, который можно назвать «императивом доступности»: никто из наших информантов ни дома, ни на работе, ни ночью, ни днем, ни в приватном, ни в публичном пространстве не отключает свой мобильный телефон. В лучшем случае отключают звук звонка, находясь в публичных местах, где требуется соблюдение звукового режима (в студенческих аудиториях, на концертах, в театре). Но, как показывает анализ, переход на тихий режим в публичных местах тоже не является общепризнанным правилом. Телефоны включены фактически всегда и везде. Молодые люди оставляют возможность для того, чтобы их «настиг» внезапный звонок или сообщение.

Вопрос: *А есть время, когда нельзя звонить тебе на мобильный?*

Ответ: *На сотовой телефон? На сотовый телефон можно звонить круглосуточно.*

Вопрос: *Ты его все время носишь с собой?*

Ответ: *Да.*

Вопрос: *То есть стараешься его не отключать?*

самой необходимостью встретиться. Кроме того, мобильные системы связи позволяют перенести встречи в зависимости от необходимости» [71].

Ответ: *Я даже скорее отключу домашний, но сотовый у меня будет работать. Всегда могут возникнуть обстоятельства, когда нужно позвонить срочно. Не мне самому позвонить, а до меня дозвониться* (муж., 28 лет, юрист).

«Императив доступности» требует от владельца телефона быть в постоянной готовности ответить на вызов:

«Мне очень важно всегда быть на связи. Когда я выхожу из дома, забыв телефон, я чувствую какую-то незащищенность или, лучше сказать, дискомфорт, как будто какая-то часть меня осталась дома» (жен., 24 года, помощник редактора).

Уверенность в том, что ты всегда находишься в пределах досягаемости для членов своей социальной сети, становится обязательной для современной городской молодежи. 20–30-летние пользователи мобильной телефонии постоянно готовы к коммуникации, их телефоны ожидают звонков. Похожее наблюдение сделал шведский антрополог Т. Эриксен: «Абсолютная досягаемость заразительна. Если один встает на этот путь (будь то фирма или отдельный человек), другие вынуждены последовать его примеру, чтобы не проиграть в конкурентной борьбе. Я как-то услышал о мужчине, игравшем в футбол в парке со своим пяти-шестилетним сыном. За те полчаса, что они гоняли мяч, он ни разу не отнял от уха мобильный телефон» [31, с. 155].

«Императив доступности» можно попытаться объяснить и через другую важную характеристику нового коммуникационного стиля — слияния с мобильным телефоном. Анализ данных показал, что наши информанты (и молодые люди, и девушки) в два с половиной раза чаще общались посредством технических устройств, чем «лицом к лицу», что позволяет предположить возникновение в их среде особой коммуникационной модели, где общение организуется в стилистике «тет-а-тет». Групповое общение, характерное для молодежных компаний прошлого, постепенно вытесняется дистанционным общением «один на один».

Можно говорить о том, что распространение мобильных телефонов приносит в повседневную жизнь их пользователей возможность постоянного контакта с узким, ближним кругом в ущерб широкой публичной коммуникативной практике. Согласно данным дневников, 72 % всех разговоров по мобильному телефону происходит с людьми, входящими в первый и второй «круги близости». Этот процесс препятствует созданию количественно больших молодежных компаний. Доступность для ближних становится важнее новых связей и делает ненужным расширение социальных сетей, что способствует замыканию молодых людей в малых группах, а в итоге может рассматриваться как один из аспектов процесса индивидуализации российского общества.

Эмпирические данные нашего исследования говорят о том, что молодые жители Петербурга общаются преимущественно в узком кругу друзей и родс-

твенников, что значительная часть этого общения происходит посредством мобильного телефона. «Императив доступности» обязывает каждого члена узкой социальной сети постоянно поддерживать контакты со своей референтной группой, и мобильный телефон в такой ситуации незаменим. Он не привязан к локальным точкам телефонными кабелями, он работает в достаточно большом пространстве (сигнал пропадает только в малонаселенных районах). Как писал З. Бауман, «сотовый телефон, предлагающий независимость даже от кабельных сетей и разъемов, нанес завершающий удар по тем претензиям на духовную общность, которые могла бы предъявить пространственная близость» [1, с. 48]. То есть для пользователя мобильного телефона более актуальны дистанционные связи со «значимыми другими», чем возможность коммуникации «лицом к лицу» с эмоционально менее близкими окружающими. Ситуация соприсутствия перестает быть условием соучастия в социальном взаимодействии:

«На настоящий момент я почти отказалась от бумажных книг. В метро так тесно. Но телефончик у меня маленький. Пока еду на работу в этой толкучке, читаю то, что туда закачала или музыку в наушниках слушаю. Книгу просто неудобно таскать, а видеть все эти морды в нашем метро не хочется» (23 года, студентка).

Именно эту стратегию избегания окружающей обстановки К. Герген назвал «отсутствующим присутствием» [49, р. 233]. Мобильный телефон может служить развитию разнообразных стратегий «отсутствующего присутствия», которые И. Гофман понимал как «демонстративное экранирование вовлеченности» [11, с. 38]. Примеры И. Гофмана обычно касаются журналов и газет: «типичный “экран” от взаимодействий в современной городской жизни – газета, которую принято читать в общественном транспорте» [11, с. 39]. Данные нашего исследования показывают, что в молодежной среде экранирование вовлеченности осуществляется уже не посредством газеты, а с помощью мобильного телефона. Он используется как игрушка, как плеер, как радиоприемник, как дневник и даже как библиотека, куда закачиваются литературные произведения для чтения в транспорте. Западноевропейские исследователи утверждают, что «сейчас развитие дистанционной коммуникации приводит к разрушению сообщества “отношений лицом к лицу”, для которого телефон служит в качестве протеза» [49, р. 237]. Вот что один из информантов рассказал о своих практиках поведения в малознакомых сообществах:

«Я всегда чувствовал себя неуютно в новых, малознакомых компаниях. Я как-то замыкался и обычно сучал... Но сейчас в таких ситуациях я частенько балуюсь своим мобильным. Сижу себе и SMS-ки рассылаю» (муж., 30 лет, программист).

То есть информант для поддержания ощущения внутреннего комфорта, не желая предпринимать усилий для интеграции в «новую, малознакомую ком-

панию», использует прием дистанционной коммуникации с людьми из «своей компании» посредством SMS-переписки.

Таким образом, еще одним социальным последствием широкого распространения мобильной телефонии станет все возрастающая социальная атомизация пользователей мобильных телефонов, а также замыкание их социального взаимодействия на «ближних» кругах социальных сетей.

Заключение

В целом анализ эмпирических данных выявил шесть функций применения мобильного телефона:

- 1) социальная координация;
- 2) эмоциональная поддержка внутри социальной сети, в том числе «ухаживающие звонки» (об этом подробнее см.: [9, с. 21–22, 27]);
- 3) контроль (см. там же);
- 4) обеспечение безопасности;
- 5) рабочий инструмент;
- 6) рекреация.

Такая практическая многофункциональность делает мобильный телефон важным агентом социальных изменений. Анализируя социальную историю мобильной телефонии, Лакоэ с соавторами отмечают: «Если в начале 1990-х необходимо было иметь весомое оправдание для покупки мобильного телефона, то к началу XXI века оправдание стало необходимо тем, кто не пользуется беспроводной связью» [63, р. 210]. Кратко подытожим возможные социальные последствия.

1. Пользователи мобильной связи предпочитают общаться с близкими референтами и отгораживаются через эту коммуникацию от практики широкого публичного общения с «неблизкими» окружающими¹⁷. Используя термин Ноберта Элиаса¹⁸, можно сказать, что широкое распространение мобильной телефонии может привести к изменению привычной «фигурации» общения: ситуация соприсутствия перестает быть условием соучастия в социальном взаимодействии. Таким образом, мобильные телефоны сужают диапазон отношений, в которые включен человек, до близкого круга «значимых других» в ущерб широкой публичной коммуникативной практике.

Получается, что количество коммуникационных каналов, доступных современному жителю мегаполиса, возросло, а круг тех, с кем он или она общается, сузился.

¹⁷ В. Голофаст, обращаясь к теме локального и глобального, отмечал, что технические посредники укрепляют и стимулируют тенденции атомизации и замыкания индивидов в ближних кругах [10, с. 4].

¹⁸ «Фигурация — определенная форма связи ориентированных друг на друга и взаимозависимых людей» [30, с. 43].

2. Несмотря на попытки запретить или ограничить пользование мобильными телефонами, молодые петербуржцы пользуются своими аппаратами в публичных пространствах без ограничения. Вторжение частных разговоров в публичное пространство разрушает его дисциплинарное единство, размывает границы между публичным и частным, что порождает напряжение между этими двумя сферами жизни.

3. Использование мобильного телефона преобразует систему связей внутри социальной общности, переводит ее из режима жесткого планирования в режим мягкой, гибкой, динамической координации.

Широкое распространение мобильной телефонии, по-видимому, приводит к накоплению непреднамеренных социальных последствий и к формированию новых правил социального взаимодействия. Это указывает на необходимость дальнейших исследований коммуникационных технологий, поскольку они во многом определяют возможности социального действия. «Телефон и его самое последнее мобильное воплощение занимают уникальное место в истории развития человечества, — отмечают Дж. Кац и М. Аакус, — автомобили и самолеты имели аналоги в окружающем мире в виде соответственно гужевого транспорта и птиц, и люди были, по крайней мере, знакомы с тем, чего ожидать от новых транспортных технологических средств. Однако ничто в животном мире не давало людям аналогий для той власти, которую им подарил телефон. В истории человеческого воображения власть в реальном времени диалоговой устной связи на больших расстояниях была властью настолько огромной, что даже большинство божественных существ не обладали ей: Зевс, верховное божество греческого Пантеона, и то был должен полагаться на посыльного — Меркурия. Сегодня многие посыльные сами имеют собственные мобильные телефоны» [59, р. 2].

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
2. Белинская Е.П. Человек в информационном мире // Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 2002.
3. Бергельсон М. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // <http://www.rik.ru/vculture/seminar/index.html> 05.12.1999.
4. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Гнозис, 2002.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир: Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
6. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003.
7. Гладарев Б. Новые коммуникационные технологии: игры контроля // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 1.

8. *Гладарев Б.* Повседневное пользование информационно-коммуникационными технологиями // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2004. № 5.
9. *Голофаст В.* Глобализация и место морали // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2004. № 2.
10. *Голофаст В.* Электронная среда, или Новые пещерные люди // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2002. № 2.
11. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, 2003.
12. *Делицин Л., Секретарев Н.* Человеческое лицо конвергенции: технология опережает психологию // *Независимая газета.* 2005. 12 авг.
13. *Еляков А.Д.* Информационная перегрузка людей // *Социологические исследования.* 2005. №5.
14. *Иванов А.* Австралийцы не нашли у себя расизма // *Коммерсантъ.* 2005. 13 дек.
15. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
16. *Иванов Д.В.* Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. СПб: СПбГУ, 2002.
17. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ–ВШЭ, 2000.
18. *Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // http://www.rus-lib.ru/book/30/eko/02/02-1/023-052.html#_ftnrf1.
19. *Кодачигов В.* Равняется четырем Даниям // *Коммерсантъ.* 2005. 5 мая.
20. *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: СПбГУКиИ, 2002.
21. *Николаева Е.В., Николаева Т.Н.* Повседневная вещь как объект социокультурной практики: семантика мобильного телефона в молодежной субкультуре // *Этножурнал.* 2004. 5 марта. (<http://www.ethnonet.ru/lib/0304-01.html>)
22. *Ро Н.С.* Передовые технологии коммуникации и организация // *Социологические исследования.* 2001. №3.
23. *Сапогова Е.* Мобильник идет по планете // *Взгляд: интернет-газета.* 2005. 10 окт. (<http://www.vz.ru/society/2005/10/10/9337.html>)
24. *Телефон* // *Хроника.* 2005. 14 янв.
25. *Турен А.* От обмена к коммуникации: Рождение программированного общества // *Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С. Гуревича.* М.: Прогресс, 1986.
26. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
27. *Хэддон Л.* Информационная культура личности: вклад исследований использования ИКТ в повседневной жизни // http://confifap.cpic.ru/upload/conf2005/reports/Haddon_ru.doc.
28. Число абонентов сотовой связи в 2005 г. вырастет на 38 % // http://top.rbc.ru/index.shtml?/news/policy/2005/04/06/06123106_bod.shtml - 2005.

29. *Чугунов А.В.* Социологические аспекты формирования информационного общества в России: Обзор исследований аудитории Интернета. СПб.: Междисциплинарный центр СпбГУ, 2000.
30. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1.
31. *Эриксен Т.Х.* Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь Мир, 2003.
32. *Agar J.* Constant Touch: a Global History of the Mobile Phone. Cambridge, UK: Icon Books, 2003.
33. *Amagasa K.* Inner Construction of Keitai Family: Inner Constructions of Today's Family from the Viewpoint of Keitai Use // Proceedings of the conference «Seeing, Understanding, Learning in the Mobile Age». Budapest, 2005. April. 28th–30th
34. *Bell D.* The Social Framework of the Information Society. Oxford: Oxford University Press, 1980.
35. *Campbell R.W.* Soviet and Post-Soviet Telecommunications: an Industry under Reform. Colorado: Westview Press, 1995.
36. *Castells M., Fernandez-Ardevol M., Qiu J.L., Sey A.* The Mobile Communication Society: A Cross-Cultural Analysis of Available Evidence on the Social Uses of Wireless Communication Technology // http://annenbergl.usc.edu/international_communication/WirelessWorkshop/MCS.pdf.
37. *Chakraborty D.* The Case of Mobile Phones in Sitakund // http://www.i4donline.net/issue/may04/sitakund_full.htm.
38. *Chandrasekaran R.* Police Arrested Former President // Washington Post. 2001. 26 April.
39. *Crabtree J., Nathan M., Roberts S.* Mobile UK: Mobile Phones and Everyday Life (Electronic Edition). L.: The Work Foundation, 2003 // <http://portal.acm.org/citation.cfm?doid=500292>
40. *Donner J.* Research Approaches to Mobile Use in the Developing World: A Review of the Literature // <http://www.columbia.edu/~jd2210/donner-mobrev.pdf> - 2005.
41. *Donner J.* The Mobile Behaviors of Kigali's Microentrepreneurs: Whom They Call... And Why // A Sense of Place. The Global and the Local in Mobile Communication / Ed. by K. Nyiri. Vienna: Passagen Verlag, 2005.
42. *Döring N., Hellwig K., Klimsa P.* Mobile Communication among German Youth // A Sense of Place. The Global and the Local in Mobile Communication / Ed. by K. Nyiri. Vienna: Passagen Verlag, 2005.
43. *Doucette D.* Telecommunications in Russia: Manuscript of PhD Doctoral Dissertation. Berkeley: University of California, Department of Political Science, 1995.
44. *Fortunati L.* Italy: Stereotypes, True and False // Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
45. *Fortunati L.* The Mobile Phone: An Identity on the Move // Personal and Ubiquitous Computing. 2001. Vol. 5. № 2.
46. *Fortunati L., Manganelli A.M.* Young People and the Mobile Telephone // Revista de Estudios de Juventud. 2002. № 57. (<http://www.injuve.mtas.es/injuve/contenidos.item.action?id=149095362&menuId=1969776808>).

47. *Frissen V.* ICT in the Rush Hour of Life // *The Information Society*. 2000. Vol. 16. № 1.
48. *Garhammer M.* Time-Use, Time-Pressure and Leisure Consumption: Old and New Social Inequalities in the Quality of Life in West Germany, UK, Spain and Sweden: Paper presented to the XIV World Congress of Sociology, "Social Knowledge: Heritage, Challenges, Prospects". Montreal, 1998, July 26th–August 1st.
49. *Gergen K.J.* The Challenge of Absent Presence // *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance* / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
50. *Geser H.* Towards a Sociological Theory of Mobile Phone // 2004. March. Release 3.0. <http://geser.net/home.html>
51. *Goffman E.* Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. N.Y.: Free Press of Glencoe, 1963.
52. *Gournay C.* Pretense of intimacy in France // *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance* / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
53. *Haddon L.* Youth and Mobiles: The British Case and Further Questions // *Revista de Estudios de Juventud*. 2002. №57.
54. *Haddon L., Vincent J.* Managing a Communications Repertoire: Mobile vs Landline: A Paper for the 5th Wireless World Conference. Managing Wireless Communications. 2004, July 15–16 // <http://members.aol.com/leshaddon/Wireless5.html>.
55. *Harper R.* People Versus Information: the Evolution of Mobile Technology // <http://www.itu.int/osg/spu/ni/futuremobile/socialaspects/MobileHCI-Final.pdf>.
56. *Hassard J.* Introduction. The sociological Study of Time // *The Sociology of Time* / Ed. by J. Hassard. Basingstoke: Macmillan, 1990.
57. *Höflich J., Rössler P.* More than JUST a Telephone: The Mobile Phone and the Use of the Short Message Service (SMS) by German Adolescents: Results of a Pilot Study // *Revista de Estudios de Juventud*. 2002. № 57.
58. *Jauréguiberry F.* Mobile Telecommunications and the Management of Time // *Social Science Information*. 2000. Vol. 39. № 2.
59. *Katz J.E., Aakhus M.* Introduction: Framing the Issues // *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance* / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
60. *Kim S.D.* Korea: Personal Meanings // *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance* / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
61. *Kindberg T., Spasojevic M., Fleck R., Sellen A.* How and Why People Use Camera Phones // HP Laboratories Technical Report HPL-2004-216 (<http://www.champignon.net/TimKindberg/HPL-2004-216.pdf>).
62. *Kopomaat T.* The City in Your Pocket: Birth of the Mobile Information Society. Helsinki: Gaudeamus, 2000.
63. *Lacohée H., Wakeford N., Pearson I.* A Social History of the Mobile Telephone with a View of Its Future // *BT Technology Journal*. 2003. Vol. 21. № 3.

64. *Law P., Peng Y.* Cellphone, Internet, and SARS Epidemic // Proceedings of the International Workshop on Mobile Technology and Health: Benefits and Risks at the University of Udine, Department of Society and Geography, 2004, June 7–8. Udine, 2004.
65. *Lemish D., Cohen A.* Tell Me How You Use Your Mobile and I'll Tell You Who You Are: Israelis Talk about Themselves // Mobile Communications: Re-Negotiation of the Public Sphere / Ed. by R. Ling. L.: Springer, 2005.
66. *Ling R.* «One Can Talk about Common Manners!»: The Use of Mobile Telephones in Inappropriate Situations // Communications on the Move: The Experience of Mobile Telephony in the 1990s: COST248 Report / Ed. by L. Haddon. Telia: Farsta, 1998.
67. *Ling R.* The Mobile Connection: the Cell Phone's Impact on Society. San Francisco, CA: Morgan Kaufmann Publishers, 2004.
68. *Ling R.* «We will be reached»: The Use of Mobile Telephony among Norwegian Youth // Information Technology and People. 2000. Vol. 13. № 2.
69. *Ling R., Haddon L.* Mobile Telephony, Mobility and the Coordination of Everyday Life // [http://www.telenor.no/fou/program/nomadiske/articles/rich/\(2001\)Mobile.pdf](http://www.telenor.no/fou/program/nomadiske/articles/rich/(2001)Mobile.pdf)
70. *Ling R., Yttri B.* Hyper-Coordination via Mobile Phones in Norway // Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
71. *Ling R., Yttri B.* Nobody Sits at Home and Waits for the Telephone to Ring: Micro and Hyper-Coordination through the Use of the Mobile Telephone // Telenor Forskning og Utvikling, FoU Rapport. 1999. № 30/99.
72. *Lorente S.* Youth and the Mobile Phone throughout the World // Front Stage–Back Stage: Mobile Communication and the Renegotiation of the Social Sphere: Conference Proceedings; Grimstad, Norway, 2003, June 22–24 / Ed. by R. Ling, P. Pedersen. Grimstad, 2003.
73. *Mante E., Heres J.* Face and Place: The Mobile Phone and the Internet in the Netherlands // Machines that Become Us: The Social Context of Personal Communication Technology / Ed. by J. Katz. New Brunswick: Transaction Publishers, 2003.
74. *Melbin M.* The Colonization of Time // Timing Space and Spacing Time / Ed. by Carlstein et al. L.: Hutchison, 1978.
75. *Ok H.* Cinema in Your Hand, Cinema in the Street: The Aesthetics of Convergence in Korean Mobile(phone) Cinema // Proceedings of the conference «Seeing, Understanding, Learning in the Mobile Age». Budapest, 28th–30th April, 2005.
76. *Ozcan Y., Kocak A.* A Need or a Status Symbol: Use of Cellular Telephones in Turkey // European Journal of Communication. 2003. Vol. 18. №2.
77. *Paragas F.* Dramatextism: Mobile Telephony and People Power in the Philippines // Mobile Democracy: Essays on Society, Self, and Politics / Ed. by K. Nyíri. Vienna: Passagen Verlag, 2003.
78. Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
79. *Plant S.* On the Mobile: The Effects of Mobile Telephones on Social and Individual Life // <http://www.motorola.com/mot/documents/0,1028,333,00.pdf>.

80. *Puro J.-P.* Finland: a Mobile Culture // *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance* / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
81. *Rafael V.L.* The Cell Phone and the Crowd: Messianic Politics in the Contemporary Philippines // *Public Culture*. 2003. Vol. 15. № 3.
82. *Rheingold H.* Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, MA: Perseus Books, 2002.
83. *Rice R.E., Katz J.E.* Comparing Internet and Mobile Phone Usage: Digital Divides of Usage, Adoption, and Dropouts // *Telecommunications Policy*. 2003. Vol. 27. № 8/9.
84. *Robbins K., Turner M.* United States: Popular, Pragmatic and Problematic // *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance* / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
85. *Roos J.P.* Sociology of Cellular Telephone: The Nordic Model (300,000 Yuppies? Mobile phones in Finland) // *Telecommunications Policy*. 1993. Vol. 17. № 6. (<http://www.valt.helsinki.fi/staff/jproos/mobiletel.htm>)
86. *Schejter A., Cohen H.* Israel: Chutzpah and Chatter in the Holy Land // *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance* / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
87. *Sherry J., Salvador T.* Running and Grimacing: The Struggle for Balance in Mobile Work // *Wireless World: Social and Interactional Aspects of the Mobile Age* / Ed. by B. Brown, N. Green, R. Harper. L.: Springer-Verlag, 2002.
88. *Sugiyama S.* Social Conduct, Social Capital and the Mobile Phone in the US and Japan: A Preliminary Exploration via Student Surveys // *Mobile Democracy: Essays on Society, Self and Politics* / Ed. by K. Nyíri. Vienna: Passagen Verlag., 2003.
89. *Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society* / Ed. by S. Bertschi, P. Glotz. Bielefeld: Transcript Verlag, 2005.
90. *Touraine A.* The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts, and Culture in the Programmed Society. N.Y.: Random, 1971.
91. *Ukritwirya C.* Mobile Phone «Mue Tue» – «an Extension of the Hand»: Cool Brand and Cool Self in Everyday Lives // *Proceedings of the Sixth Conference on Communications in the 21st Century: Seeing, Understanding, Learning in the Mobile Age*, Budapest, 2005, April 28–30. Budapest, 2005.
92. *Varbanov B.* Bulgaria: Mobile Phones as Post-Communist Cultural Icons // *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance* / Ed. by J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.
93. *Vershinskaya O.* Mobile Communication. Use of Mobile Phones as a Social Phenomenon – The Russian Experience // *Revista de Estudios de Juventud*. 2002. № 57.
94. *Wireless World: Social and Interactional Aspects of the Mobile Age* / Ed. by B. Brown, N. Green, R. Harper. L.: Springer, 2001.